

Сергей Ервандович КУРГИНЯН

Политолог, президент международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургияна). Режиссер, руководитель Московского государственного театра «На досках»

БАБОЧКА И СТЕКЛО

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНЕРЦИИ НЫНЕШНЕГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Мировой кризис девальвировал очень многие товары. Почти все. И лишь один оказался ревальвированным — полное собрание сочинений Карла Маркса.

Слишком долго говорилось о том, что теория Маркса мертва. С важным видом изрекались пошлые шутки типа: «Пролетарии всех стран, извините!» Правда, эти шутки имели хождение не в Гарварде, а в РГГУ и других наших либерально-ориентированных учебных заведениях. И все же авторитет Маркса был сильно поистрепан в мире и войной с коммунизмом, в рамках которой Маркса дискредитировали целенаправленно, и ходом мировых событий, внушавшим некую иллюзию. Ту самую, которую теперь можно назвать «глобализационным мифом» или даже «глобализационным пузырем».

Сама-то иллюзия гордо называла себя «теорией глобализации». Но теперь мы видим, что это даже не миф, а пузырь. Миф коренится в архетипах, пузырь — в трубочке, через которую его надувают. Пузырь лопнул. И это стало одним из главных слагаемых в том многофакторном явлении, которое многие называют «мировой кризис», а я именую мировой катастрофой. Лопнувший пузырь — это не кризис, а катастрофа. Катастрофа определенных смыслов, а также всего, что к ним было подверстано.

Но при чем тут Маркс? Противопоставляя Марксу глобализационную теорию, позволяющую двигаться вперед без кризисов, адепты этой «теории-пузыря» вопрошали: «Где поляризация, обещанная Марксом? Где концентрация богатства на одном полюсе, а нищеты — на другом?» Эти странные адепты, убеждая нас в том, что экономика (а значит, капитал и труд) глобализуется, одновременно предлагали замерять степень поляризации богатства и бедности в отдельно взятых странах. Между тем уже было ясно, что теория Маркса должна применяться ко всему миру как целому. Маркс не мог наблюдать подобного мира. Но он сумел нечто предвидеть. В этом мире, взятом как целое, поляризация налицо. Все данные ООН говорят об этом. Богатые становятся более богатыми, нищие — более нищими.

Странные адепты глобализации все эти годы не могли ответить на наш простой вопрос: что такое глобализация? Или точнее — что глобализуется? Ведь не инфраструктура глобализуется сама по себе. Не Интернет и не мобильный телефон представляют собой социальное ядро глобализации. Они могут быть ядром техническим, но не более. Социальное же ядро — это глобализация труда и капитала. Глобализация труда движет труд в места, где он может рассчитывать на наибольшую оплату. То есть с Востока на Запад, с Юга на Север. Глобализация капитала движет капитал туда, где он может полу-

чить наиболее дешевый «товар — рабочую силу», то есть на Восток (в Китай и т.д.), а в перспективе и на Юг (безусловно, в Индию и, возможно, в Латинскую Америку).

Эти два встречных процесса порождают массу побочных результатов, переплетаясь с демографической коллизией и правами человека. Согласно правам человека, которые превращены, по сути, в права меньшинств, продавцы своего труда (мигранты с Юга и Востока) должны получать равные права с теми, кому они продают этот труд. При этом мигранты, продавая труд в странах Севера и Запада, не перемешиваются с коренным населением. Великий американский принцип «плавильного котла» перестает действовать, уступая место специфической глобализационной мультикультуре.

Лепту в эту мультикультуру вносит пресловутый «принцип покаяния», который был опробован в СССР и сейчас репродуцирован по всему миру. Покаяние перед афроамериканцами, индейцами и т.д. — это не только признание исторической вины. Это и необходимость компенсации (причем вполне конкретной, социально-экономической) за эту вину. Где есть компенсация, там обязательно возникает и ее субъект. Субъектом становится обособившаяся община — афроамериканская, индейская и другая. Нация как единство языка, культуры и этоса рушится. Покаяние и права меньшинств дополняют это обрушение. Его завершает демографический фактор, превращающий быстро репродуцирующие меньшинства, не усваивающие культуру страны, куда они переселяются по экономическим соображениям, в равновеликий, а в перспективе — в больший, чем коренное население, фактор политики.

Что касается бегства капитала с Севера и Запада, то это бегство безальтернативное. Маркс не зря говорил, что за 300% прибыли капитал продаст родного отца, и что у капитала нет родины.

Много десятилетий западный мир боялся повторения 1917 г. в Англии, Франции, Италии, Германии и даже США. Неважно, насколько оправданы были эти страхи. Но они были очень велики. Достаточно велики для того, чтобы породить весь стиль современной западной жизни, основанный на консьюминге — «обществе всеобщего потребления и процветания».

Что такое всеобщее потребление и процветание? Это высокая плата за труд. Но никто не может объяснить западному капиталисту, почему он должен платить несколько тысяч евро изнеженной французенке или немке, если он

может за тот же труд заплатить несколько сот евро китаянке — при том, что ее государство будет ее учить, воспитывать, прививать навыки труда, и без того глубоко укорененные в китайской культуре. Но ее будут и жестко «прессовать» в случае, если она начнет «качать права» так, как это привычно делают ее коллеги во Франции и Германии.

Соответственно, капитал бежит на Восток и Юг. Сегодня — в Китай. Китайское ноу-хау — это продажа дешевого «товара — рабочей силы» в огромном количестве. Пусть продано хотя бы 200 млн единиц такого товара. Какова прибыль? При демпинговой цене прибыль в год составляет порядка \$20 тыс. То есть продавец — китайское государство — получает триллионы долларов с этой продажи. Прямым следствием такой сверхприбыли становятся профицитный бюджет Китая, его огромные золотовалютные резервы, неостановимая экспансия на мировые рынки.

В результате возникает глобальное дежавю с поправкой на 100 лет. Кстати, 100 лет назад уровень глобализации мирового хозяйства был, за исключением финансов, таким же, как сейчас. Это нетрудно проверить. Когда сопоставляешь цифры, убеждаешься в абсолютной реальности данного утверждения. Но этим утверждением дежавю не исчерпывается.

Закон неравномерности развития при империализме, выведенный Гильфердингом на основе теории Маркса и подтвержденный Лениным, неумолимо действует в нынешней ситуации.

Надо просто вычесть столетие. И изменить название страны.

Китай 2009 г. — это Германия 1909 г. То есть новая империалистическая страна.

США 2009 г. — это Великобритания 1909 г. То есть старая империалистическая страна.

Китай (как Германия в начале XX в.) развивается быстрее. США (как Великобритания в начале XX в.) развиваются медленнее. Но страна, развивающаяся медленнее, уже завоевала мировые позиции и не хочет их отдавать. А стране, которая развивается быстрее, нужны позиции, чтобы сохранить темпы развития. И она хочет их завоевывать. Результат — Первая мировая война.

Вторая мировая война имела фундаментально-идеологический характер. Она могла иметь такой характер потому, что были две суперидеологии — фашизм и коммунизм. И их наличие смазывало картину собственно империалистической конкуренции.

Теперь картина стала вновь абсолютно четкой. Если Третья мировая война состоится

Великий американский принцип «плавильного котла» перестает действовать, уступая место специфической глобализационной мультикультуре

(а она может быть только войной с использованием ядерного оружия), то она будет напоминать Первую, а не Вторую мировую войну. Многие говорят, что это невозможно. Что Китаю нужны США, а США нужен Китай. Но Германия тоже хотела экспортировать свои товары в Великобританию и по всему миру. Наличие взаимных интересов не снимает фактор антагонистических противоречий. Какое-то время одно сосуществует с другим, но потом взаимные интересы отбрасываются. И на первый план выступают антагонистические противоречия.

Инерционный сценарий XXI в. именно таков. Никто не говорит, что война будет прямым повторением войны 1914–1918 гг. Мир очень изменился, но не настолько, чтобы вражда, прячась поначалу за разного рода паллиативами, в решающий момент не обнажилась, превратившись в прямую военную конфронтацию. Мир катится именно туда. Повторяю — если, конечно, он сохранит инерционность.

Страх перед подобным развитием событий не в меньшей степени, чем фиаско глобализации, ревалвирует теорию Маркса. О себе как о марксистах (или, по крайней мере, как о людях, глубочайше уважающих Маркса и восхищающихся им), говорят такие крупные профессиональные деятели, как нынешний Далай-лама и германский архиепископ Райнхард Маркс, известный своей близостью к Папе Бенедикту XVI, гораздо более консервативному, чем его предшественник Иоанн Павел II. И вот Райнхард Маркс — ближайший сподвижник такого консервативного Папы — заявляет в своем сенсационном интервью журналу «Шпигель», что Карл Маркс оказался прав, и мы рано сбросили его со счетов, и т.д.

Я уже говорил ранее, что в Гарварде тоже никто никогда со счетов Маркса не сбрасывал. Это произошло только здесь, в России. Меня всегда развлекали наши антикоммунистические публицисты, которые приезжали к каким-нибудь швейцарским прокурорам, например, и вдруг в ужасе восклицали: «Да у них же в кабинете Карла-Марла висит! Карла-Марла! Как же так?»

Но в чем же все-таки метафизический, экзистенциальный корень интереса к Марксу? В том, что разразился кризис, подтвердивший его правоту? Но это не основное. Первая фаза данной катастрофы, именуемой «кризисом», будет преодолена за полтора-два года. Ее просто зальют деньгами. Но тут катастрофа нанесет свой новый коварный удар. Потом все опять чуть-чуть «рассосется». И вскоре будет нанесен следующий, совсем уж беспощадный удар.

Это как бабочка бьется в стекло, или когда человек находится у некоего барьера и не знает, как барьер преодолеть, и раз за разом об этот барьер ударяется. Он ударяется и отлетает, опять ударяется и опять отлетает.

Каковы же реальные фундаментальные признаки человеческой ситуации, вовлекающей нас в движение по катастрофической траектории? Давайте обсудим это, а не навязший в зубах кризис. Давайте обсудим параметры той фундаментальной ситуации, которая будет бить нас бичом до тех пор, пока мы не рухнем под ее ударами или с ней не справимся.

В момент, когда разница между собственными возможностями человека и технологическим потенциалом достигнет некоего критического уровня, «ножницы» так или иначе «схлопнутся»

Первый, высший, уровень этой ситуации — это кризис в отношениях технологий и человека. Иначе это называется «барьер Питерса» или «ножницы технологического роста». Суть заключается в том, что технологии растут примерно по экспоненте, а человек — по классической кривой Гаусса, стремящейся к асимптоте, к пределу.

Мы не можем обеспечить антропологический рост, человек практически остановился в собственном развитии, он все менее адекватен сложности созданного им самим технологического мира. А технологии мы тоже не можем остановить, их сложность растет по экспоненте. И в момент, когда разница между собственными возможностями человека и технологическим потенциалом достигнет некоего критического уровня, «ножницы» так или иначе «схлопнутся».

Из этой коллизии есть два выхода.

Первый — реально остановить технологический рост. Но я не вижу механизмов, которые могли бы это обеспечить, кроме того страшного и уникального опыта, который произведен в СССР и затем в России с конца 80-х по середину 90-х гг. XX в. Других способов остановить технологический рост или даже управлять им пока не видно, он стал самодостаточным.

Второй выход — сделать что-то с человеком. Вопреки всему происходящему в России от нашей страны все время ждут, что она скажет нечто новое по поводу форсированного развития самого человека.

Второй уровень той же ситуации — неуправляемость современной науки, ставшей

и впрямь производительной силой, но не изменившей своей парадигмальности, унаследованной от совсем другой эпохи. Для того чтобы уничтожить человека, достаточно науки. Наука может уничтожить его сама, без чего бы то ни было.

В чем, в сущности, обнаружившаяся сейчас глубочайшая проблема науки? В том, что уже античное ее разделение на этику, эстетику и гносеологию не выдерживает сегодня нагрузок нового интеллектуального мышления XXI в. Мы либо должны найти новый путь в науке и снять ее разделение на прекрасное, справедливое и истинное, либо наука окончательно превратится в описанную Поговего романе «Девяносто третий год» пушку, сорвавшуюся в бурю с креплений на корабле и вдребезги разносящую весь корабль.

Третий уровень ситуации — историософский. Человечество двигалось какой-то промежуток времени от одного исторического идеала к другому. Беспощадная дискуссия Гегеля и Маркса — этих крайних антагонистов (да-да, антагонистов, как это кому-то ни покажется странным) — строилась вокруг того, что Гегель считал: в какой-то момент история должна остановиться. А Маркс с этим не согласился. Весь марксизм начался с того, что Маркс отказался принять постисторию, «новый дух» Гегеля.

Принцип истории заключается в том, что человечество движется от идеала к идеалу. Скажем, от идеала, связанного с Моисеем, — к Христу, от Христа — к идеалам французской революции (свобода, равенство, братство), от этого идеала (будем говорить правду) — к коммунистическому идеалу. Двигалось оно, двигалось — и вдруг оказалось, что движение остановлено, что нового идеала нет, и нет новых нагретых масс, готовых с этим идеалом соединиться. Нет ни субъекта в метафизически-гегелевском смысле, ни субстанции. Ни класса, готового привнести новую идею, ни народа, готового на эту идею откликнуться. И все было бы хорошо, но только...

Есть такое понятие — «историческое удушье»: когда люди живут без истории, без нового продвижения по пути истории 10, 15, 20 лет. Поначалу кажется, что все хорошо (лужайки, коттеджи, круизы, бизнес)... Но потом начинается удушье. А в ответ на него — дикая судорога, когда люди истребляют друг друга и самих себя, даже не понимая толком, почему это происходит.

Либо новый исторический идеал, либо жизнь в условиях исторического удушья. В сущности, глобализм и предлагал некую модель жизни

в условиях нарастающего удушья. Предлагал, предлагал, надувал пузырь предложений — а потом пузырь, как ему и полагается, лопнул.

Четвертый уровень ситуации, которую я исследую, — исторический. В сущности, что же произошло с Советским Союзом, и что происходит сейчас с миром? Когда господствующий класс прочитал Маркса (а он читал очень внимательно и совсем не для мирового правительства, как мне кажется), то он вдруг понял, что Маркс прав, что если будет история, то господствующий класс должен смениться, возникнет новый посткапиталистический класс.

Тогда господствующий класс выдвинул чрезвычайно смелую и дерзкую идею (я считаю, что это сделало семейство Рокфеллеров, но не они только). Было сказано примерно следующее: «Если это все так, то почему бы не остановить историю? Если в условиях сохранения исторического движения мы должны проиграть, то у нас единственная возможность — вывести мир из исторического движения».

Так что же фактически случилось с Советским Союзом? Номенклатура, которая в какой-то момент должна была отдать власть технократическим постиндустриальным классам, испугалась это сделать. То, что произошло под названием «распад Советского Союза», оказалось, в сущности, самосохранением номенклатуры, которая сбросила как обременение главный социальный капитал новых постиндустриальных общественных групп — промышленность, науку, образование, медицину и пр., а заодно и союзные республики. После чего возникла абсолютно гармоничная система, в которой можно качать и продавать нефть и газ, добывать и продавать руду и металлы, рассуждая при этом о чем угодно — об экономике знаний или нанотехнологиях — это уже не имеет никакого значения. Номенклатура осталась.

Реакционный класс впервые в истории доказал, что он может самосохраниться за счет уничтожения истории. Мне кажется, что сейчас назревает мировой процесс того же типа: класс будет пытаться самосохраниться за счет уничтожения истории.

Я мог бы рассмотреть и другие уровни данной фундаментальной ситуации. Но и того, что описано, достаточно, чтобы понять главное: «на халяву» мы из этой ситуации не выйдем. Для этого нужны и беспрецедентное духовное (интеллектуальное и аксиологическое) усилие, не имеющее ничего общего с «академическими посиделками», и такое же волевое усилие. Без них человечество разобьется о барьер этой ситуации как бабочка о стекло. ■